

ИРИНА ГОРБАНЬ

Вовкина любовь

1

О том, что Леночку изнасиловали, не говорил только Вовчик. Да ему и прощительно. Парень всегда пребывал в радостном настроении. Идёт по улице такой увалень с серьёзным видом, ты от страха перед неизвестностью шарахаешься в сторону, а он подходит и начинает обнимать. Вроде на улице все наслышаны о безвредном характере Вовчика, но кто знает, что ему взбрендит в голову в неподходящий момент. Ходил он всегда в чистых и выглаженных вещах. Умственное развитие пятилетнего ребёнка ясно читалось на его лице. С любопытством поглядывали соседки в его сторону, видя, с каким важным видом тот идёт в магазин с авоськой. Пара пустых молочных бутылок мерно позвякивает, цепляясь за его коленку. В магазине покупателя знали. Брали из рук записку, деньги, отоваривали, гладили по голове и отправляли домой. Он улыбался, говорил, что любит всех, какие они красивые, и уходил. Дом был в тридцати метрах, но для Вовчика это был серьёзный и важный путь. Считать он умел только до пяти. И на пальцах мог показать свой возраст — пять лет. Филатиха, мать Вовчика, работала почтальоном. Она бы и рада за собой таскать сына, только тот был настоящим увальнем. Не желал ходить по чужим улицам.

Сначала женщина просила соседку присмотреть за пацаном, а когда поняла, что тот совершенно безвредный, начала оставлять одного. Печь не затапливала, зная, что всё равно некому будет подкидывать уголь. Ну и ладно. Главное, он не мешает соседям. Приготовленную на полдня еду Вовчик съедал в один присест и уходил на улицу в поисках добрых улыбок.

Как-то он не появился. Сначала думали, капризничает, ещё придёт. Когда отсутствие заметили и соседи, Валька рассказала, что случился очередной приступ эпилепсии и сына забрали в больницу. Предупредили, что курс лечения будет долгим. Сроков в этот раз никто не называл. Да

она бы никому и не сказала. Какая разница, когда сын вернётся домой. Пусто без него, но и без лечения оставлять нельзя.

От безделья соседи снова стали муссировать тему изнасилования.

2

От стресса Леночка отходила долго. В больнице пару недель отлежала, потом несколько дней дома, а там и каникулы. Семилетний ребёнок не понимал, почему чужие дяди в милицейской одежде задают глупые, некрасивые вопросы. Девочка вопросительно заглядывала маме в глаза и плакала, видя, как та не может сдержать слёз. На все вопросы отвечала, что не помнит того, кто сделал больно, что он подошёл со спины, аккуратно взял её за плечи и повернул в сторону посадки. Все дети села ежедневно ходили в школу и обратно мимо густой чащи. Никому из взрослых и в голову не приходило, что это может быть опасно. О Чикатило тогда не знали и не слышали. Провожать детей в школу было не принято. Бабушки кормили внучат завтраком, отпускали за ворота двора и спокойно занимались своими делами. Знать бы, где упадёшь, разве не запаслись бы соломкой?

На следующий день в посадку нагнали технику. Выкорчёвывали всё, что проросло за много лет в междурядьях. Прохожие поглядывали на небывалую возню в посадке и удивлялись, не министр ли едет в их село. Осталось асфальт проложить, и памятник неизвестному солдату выкрасить, и ждать гостей. К вечеру посадка просматривалась как нарисованная. С какой стороны ни обойди — всё как на ладони. Но кому это надо, если жизнь девчонки разорвали и раскромсали на много лет вперёд?

3

Нинка со свекровью не то что не ладили, обе старательно делали вид, что в их семье тишь да гладь да божья благодать. Полусвекровь — это как полукровка.

Ефросинья взяла в мужья Петра с двумя пацанами — Сашкой и Колькой. Колька был рыжим, словно увядший апельсин. Блёклые брови и ресницы, практически белые — ни кровинки — губы в вечных заедах. Но какие у него были кудри! Всем девчонкам на зависть. Санёк был худым, жилистым, драчливым. Как-то угораздило их пацанами пойти на

танковый полигон поглазеть на технику. Что там произошло, он толком не помнит. Да и зачем себя подставлять, если батя шкуру снимет за то, что остался без руки. Только в больнице он узнал, что рука никогда не вырастет, что придётся учиться держать ложку в левой руке. Калека он и есть калека. Кулья постоянно воспалялась. Дворовые мальчишки тут же обозвали его Култын. Кличка так прилипла к мальчишке, что со временем он перестал отзываться на собственное имя. Только паспорт надёжно хранил имя на всякий случай. Женился Култын на Марии в конце пятидесятых. В цепкие руки попал: девка продыху не давала, пытаюсь направить мужа на путь истинный. В шахту кем-то пристроила, чтобы знали, что не калека её муж, а самый настоящий хозяин. Дочь ему родила. Не принято было всего одного ребёнка заводить, но что-то пошло не так, и они решили, что и одной девчонки хватит.

Рыжего Кольку присмотрела Нина. Угловатая, с жёлтыми зубами и маленькой грудью селяночка была работающей: и корову подоит, и дом выметет, и на стройке штукатуром оттарактит смену. Вечная торопыга носилась по улице, всем видом показывая, как занята. Она и разговаривала быстро, глотая звуки. Для непонятливых жестикулируя и размахивая руками во все стороны, быстро рассказывала одной ей важную информацию и бежала дальше. Если поверх платья на ней всегда висел ободранный фартук — для аккуратности, то пятки красноречиво выдавали её вечную спешку. Мыла ли она ноги перед сном, трудно сказать. Как и трудно сказать, спит ли она вообще.

4

Ефросинья крепко блюла семью. Петро был инвалидом. Оттяпанную ногу заменял деревянный протез, прикрепляемый к культе кожаными ремнями. Трудно ему давалась ходьба. Так и не научился тягать тяжёлую деревяшку. Особенно это было заметно после пары-тройки выпитых чарок самогона. Знатный самогон гнала жена. Не продавала — самим в хозяйстве пригодится. Особенным отличием от других мужиков у Петра была рожа. Именно рожа, а не лицо. Оторванная часть левого крыла носа, верхней части губы уродовали мужика. Ходил он всегда неухоженным, с клюкой, в старом дырявом ватнике, из которого ключьями висела набивка. В застиранной байковой красной клетчатой рубахе. Но половина улицы с ним почтительно здоровалась — солдат

на скамейке отдыхает. Петро был букой, ни с кем не заводил разговоры. Да и как говорить, если речь невнятная, а язык то и дело вываливается изо рта. Благодаря ему и к Фросе с почтением обращались, мол, вон какая молодец, не дала воину пропасть. А Фрося возьми да и роди мужику сына Толика.

Характер у бывшего солдата был не ангельским. Никогда его не видели с авоськой идущим в магазин или с ведром воды, которую добрая половина дворов таскала в руках и на коромыслах с другой улицы. Его жизнь проходила медленно и скучно. Плотно позавтракав под пару чарок самогона, дед выходил на улицу, усаживался на скамейку, закуривал измусоленную папиросу и смотрел в землю. Что он там выискивал? Почему не хотел встретиться взглядом с людьми? Никто из стариков никогда не присаживался к нему поболтать. Так и прожил букой и молчуном дед Петро. Умер так же неожиданно и тихо, как и жил. Справив похороны, угостив соседей борщом, картошкой со шкварками и самогоночкой, Ефросинья вздохнула. Разве могла она кому сказать, что муж был в тягость, что никогда не был помощником, что его инвалидная пенсия была мизерной и вечно не хватало на хорошую добротную одежду для Толика. Старшие давно живут отдельно, а младшего ещё пристроить надо. Он уже созрел для семьи. И тут...

5

— Толик утонул! — кричала какая-то соседка во всю глотку, барабаня в калитку тётки Фроси.

Забыв о больных ногах, женщина бежала туда, где был её сын. Она была уверена, что Толик, её кровинка, жив, что это не он погиб. Он не мог просто так оставить её одну на всём белом свете. Она скребла больными ногами по шлаковой дороге, падала, в кровь разбивая колени, поднималась и снова шаркала старыми оборванными тапками, пока по пути не растеряла их. И вот колодец. Откуда столько людей? Где Толик? Он должен стоять рядом с толпой и встречать мать.

— Сы-ы-ын!.. — завывала женщина.

Молодёжь, как всегда летом, отдыхала на отстойнике. На каждой шахте есть такие водоёмы. Все знают, что это места не для отдыха, но разве летом, в жару кого остановишь? Многие просто лежали на берегу и загорали, самые смелые плавали, хвастая удалью — переплыть

шестнадцатиметровой глубины отстойник. Была жара, хотелось пить. Мальчишки всегда бегали на шахту за газировкой с отцовскими фляжками, бутылками, банками. И сейчас у некоторых были с собой фляги, но уже пустые. И тут одна девчонка попросила пить. Толик решил, что на шахту пока не пойдёт, не накупался, лучше наберёт воды из колодца, который был в нескольких метрах от берега. Правда, он был заброшенным, но на дне виднелась вода. То что надо!

То, что колодец давно заброшен, знали многие. Что на дне всегда была вода, могли знать только пронирливые пацаны. А вот то, что колодец был «загазован», об этом рассказали уже спасатели, прибывшие на место трагедии.

Толик оказался первой жертвой. Когда за ним в колодец опустился друг, его тоже никто не слышал. В колодце стояла глубокая тишина...

В один миг Ефросинья постарела. Горе сломило сильную и крепкую бабью натуру. В своём горе она осталась на белом свете совсем одна. И тут поняла, что только смерть соединит её с сыном, поэтому решила больше не жить. Долго подруги уговаривали соседку попить куриного бульона, долго уговаривали встать и подоить корову. Женщина лежала на кровати, а смерть не приходила. И тогда подруги решили не кормить её и не доить корову. Когда хозяйство устроило «гармидер», как говорили старики этой местности, пришлось подниматься и жить дальше. Жить без Толика. Она украсила в маленькой кухоньке одну стену рисованными иконами, вторую — фотографиями сына. Благо, в калитку как-то постучался фотограф, который ходил по улице и предлагал свои услуги по увеличению и раскрашиванию маленьких фотографий.

6

Когда невестка прибежала вся в слезах и не могла от рыданий рассказать про беду, у бабы Фроси душа перевернулась. Леночку испортили — как жить?!

И тут до неё постепенно начало доходить: но ведь она жива.

— Нинка, не ной! Руки-ноги целые? Глаза на месте? Она своими ногами ходит? Она живая?

— Жива-а-а-я-я-я... — ревела Нина.

— Вот и закрой рот. Это я с того света не подниму Толика, а у тебя вон какое счастье — Ленка живая.

— А соседи что скажут?

— А тебе лучше, чтобы умерла? — не сдержалась Ефросинья и сжала кулаки.

— Так позор како-о-ой! Уезжать надо подальше. У ребёнка жизнь наперекосяк свернулась, — продолжала реветь невестка.

— Я сама им рты закрою. Ты ещё не знаешь меня, — повернулась к иконам и фотографиям сына свекровь. — Я за Толика...

— Какого Толика?

— Моего Толика... — осеклась Ефросинья. — За Леночку ещё как рты закрою.

Рты она могла закрыть — опыт был. Она всю жизнь хранила тайну Петра. Все соседи думали, что ранения он получил на войне. Доказательством были деревянный костыль и изуродованное лицо. Она ни разу никому не проболталась, что на лице — следы оспы, которая ещё в детстве съела маленького Петьку и он чудом остался жив. А нога — так кто в детстве не бегал по рельсам и не разбрасывал гвозди под огромные стальные колёса паровоза? Петька любил лихачить. Увидит, бывало, приближающийся поезд и аккуратнo положит на рельсы гвоздь, чтобы его сплюснуло. Потом затачивал остриё и хвастал перед друзьями новым перочинным ножом.

После войны мужиков не было, вот Фрося, можно сказать, и подобрала уродо-инвалида. Вроде как замужем. А когда родила сына — тут уж ни одна соседка рта не раскроет на чужое счастье. Одного не понимала: какую красоту девичью отдала в лапы этого ленивого урода.

Вовчик вышел со двора дома и направился к Леночке. Он не знал, что несколько лет не был дома, что в жизни происходят перемены и люди взрослеют. Что кто-то умирает, кто-то женится, кто-то появился на свет и уже подросток. Он не заметил, что огромная берёза, когда-то заслонявшая весь соседский двор, вдруг куда-то исчезла. Что у него на лбу появились морщины и старые вещи давно лежат в шкафу, а мать купила новую рубаху и штаны. Вовчик не понимал, что происходит, но ноги несли именно туда, где он никогда не был. Он встал напротив окон чужого дома и приготовился ждать. Станный человек не разбирался ни во времени, ни в календарях. Он помнил маленькую девочку

и не понимал, откуда такая тревога. Вот если обнимет ребёнка, всем станет тепло и радостно. Ему давно не было радостно. Он постоянно слышал гром.

— Ты чего хотел, Вовчик? — вышла со двора старая женщина.

Он понимал, что это не Лена, что это какая-то бабка вместо тётки Нины, но не знал, как об этом сказать. Он не знал, что и сам со временем превратился в стареющего мужика с большим животом. Пива, конечно, Вовчик не пил. Живот сам вырос, но и этот факт его не тревожил.

— Где Лена?

— Лены нет. Она живёт в другом городе. Тебе зачем?

— Я её люблю.

— Ты, Вовчик, всех любишь.

Сердце женщины сжалось. В голове промелькнула жестокая мысль — прогнать больного подальше. Давно ходили слухи о больном, который приносит в дом смерть. Он словно чувствовал, что скоро кто-то уйдёт в мир иной. Стоило Вовке кого-то обнять и признаться ему в любви, как через несколько дней тот умирал. Как хорошо, что его не было, когда Леночке было семь лет. Может, поэтому она и осталась жива, что Вовка не успел её обнять.

Долго скрывать позор от Лены не могли. Девочка росла, а вместе с ней снежным комом росли сплетни. Пора было выходить замуж, рожать детей, но как с таким прошлым удачно выйти замуж? Только уезжать подальше. Получив диплом о среднем образовании, Лена навсегда уехала из села.

— Уходи отсюда! — закричала испуганная женщина. — Уходи, она живёт в другом городе. Она давно уехала. Ты должен знать. Она давно не ребёнок, у неё растёт сын. Мой внук давно вырос и служит в армии... Киевской армии, — тихо закончила женщина.

Больной человек не знал. Он ничего не знал кроме того, что ему очень надо обнять Леночку и сказать, как сильно он её любит. Иначе не успеет.

— Я подожду, — пробурчал под нос Вовчик.

Он подошёл к полуразрушенному забору и присел в траву. Где-то недалеко гремел гром. Он не знал, что это гремят снаряды. Ему никто не рассказывал о войне. Он бы не понял. Он всех любил.

И тут по дороге поехали танки. Баба Нина схватилась за голову и пошлѣпала во двор. Вовчик подскочил с места и замахал руками то ли тѣтке, чтобы остановилась, то ли непонятным машинам, на которых сидели солдаты. Он немедленно захотел их обнять и сказать, что всех любит, и двинулся к танку...